

На правах рукописи

БЛИНОВА Ольга Валерьевна

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ОБЛИК УЧИТЕЛЬСТВА
В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1880-х – 1914 гг.**

07.00.02 – отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Омск – 2010

Работа выполнена на кафедре отечественной истории
ГОУ ВПО «Омский государственный педагогический университет»

- Научный руководитель:** доктор исторических наук, профессор
Родигина Наталья Николаевна
- Официальные оппоненты:** доктор исторических наук, профессор
Толочко Анатолий Павлович;
кандидат исторических наук
Адоньева Инесса Геннадьевна
- Ведущая организация:** Алтайская государственная
педагогическая академия

Защита состоится 21 декабря 2010 г. в 10.00 часов на заседании диссертационного совета ДМ 212.177.04 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Омском государственном педагогическом университете по адресу: 644043, г. Омск, ул. Партизанская, 4 а.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Омского государственного педагогического университета (644099, г. Омск, наб. Тухачевского, 14, библиографический отдел).

Автореферат разослан «__» _____ 2010 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
доктор исторических наук, профессор

Т. А. Сабурова

БЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Актуальность темы исследования. Обращение к проблеме формирования социокультурного облика учительства на рубеже XIX–XX вв. обусловлено повышенным интересом современной отечественной науки к интеллигенции, ее месту и роли в общественной жизни страны, реакции ее представителей на вызовы современности. Для Западной Сибири выбор проблемы социокультурного облика учителей в качестве предмета исследования обусловлен тем значительным вкладом в научную и общественную жизнь региона, который сделали педагоги. Являясь многочисленными представителями образованного общества, связанными как с государственной службой, так и с непосредственной просветительской работой с населением, они были связующим звеном между властью и народом.

В то же время изучение социокультурного облика учителей обретает **практическую значимость** на современном этапе развития школьного дела. Ретроспективный анализ системы образования позволит понять истоки формирования корпоративной культуры учительства региона и выявить в ней положительные моменты, требующие дальнейшего развития.

Степень изученности темы. В основе историографического обзора по исследуемой проблематике лежит проблемно-хронологический принцип.

Значительное число трудов в последней четверти XIX – начале XX вв. было посвящено проблеме всеобщего образования. Эти работы в большинстве своем освещали вопросы школьного дела и затрагивали лишь отдельные аспекты деятельности и повседневной жизни учителей. Таков «Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения 1802–1902 гг.», написанный историком С. В. Рождественским к столетию создания учреждения¹. Исследование, в частности, посвящено деятельности профессиональных учебных заведений, готовивших будущих учителей.

С иного ракурса рассмотрена проблема складывания системы образования Н. В. Чеховым, акцентировавшим внимание на общественной роли школы и учителя, показаны основные типы педагогов народной школы, выделяемые в зависимости от уровня образования и социального происхождения учителей. Несколько особняком стоят работы, посвященные проблеме взаимодействия учителей в профессиональных объединениях и на съездах. Таковы статьи сборника «Инородческая школа» и публикация П. Жулева, рассматривавшие эти процессы на примере министерской школы для титульной нации и отдельных этноконфессиональных групп².

---

¹ Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения 1802–1902 гг. СПб, 1902.

² Жулев П. Об учительских обществах взаимопомощи // Русская школа. 1909. № 4. С. 81–89; Инородческая школа. Сборник статей и материалов по вопросам инородческой школы. Пг., 1916.

Будучи представителями весьма немногочисленного слоя образованного общества Сибири, учителя становились объектом внимания местных публицистов, занятых выявлением роли интеллигенции в регионе. Работы, касавшиеся конкретных условий формирования и деятельности интеллектуальной элиты в Западной Сибири, представлены статьями и обобщающими трудами Г. Н. Потанина и Н. М. Ядринцева.

Характеризуя дореволюционный период, можно говорить только о зарождавшемся под действием внешних факторов (реформа школьного дела, потребность экономики страны в квалифицированных кадрах, интерес к истории школы и места учителя в ней). Несмотря на описательный характер большинства работ этого периода, ряд изданий уже базировался на принципах позитивизма, основанных на приоритете исторических фактов, извлеченных из источников.

Следующим периодом в отечественной историографии стали годы советской власти. основополагающими теоретическими работами для исследователей этого времени стали труды В. И. Ленина, акцентировавшего внимание на бесправии и бедноте народного учительства в противовес привилегированному положению преподавателей гимназий. Исследования советских ученых могут быть разделены на два хронологических этапа: 1920–1950-е гг. и 1960–1980-е гг. На первом этапе проблема социокультурного облика учительства и ее региональных аспектов получила оформление в изданиях по общероссийской тематике, посвященных проблемам дореволюционного образования.

В 1920-е гг. были написаны обобщающие труды Н. С. Юрцовского и Г. И. Фураева, основанные на статистических материалах прошлых лет. Н. С. Юрцовской, опираясь на материалы однодневной школьной переписи, дал первое подробное описание народного учительства Западной Сибири, сообщив сведения о материально-правовом положении, социальном происхождении и образовании педагогов. В дальнейшем усилился идеологический уклон в исследованиях по заявленной проблематике.

В 1950-е гг. вышел ряд обобщающих исследований по проблеме образования в дореволюционный период, где предметом исследования по-прежнему было школьное дело в рамках всей империи. Такковы работы Н. А. Константинова, Ш. И. Ганелина по истории образования дореволюционного периода. Выделены основные источники получения образования для педагогических кадров на разных этапах формирования школьной системы, кратко охарактеризовано материально-правовое положение учителей средней и начальной школы.

Следующим этапом советской историографии по проблеме положения и роли учительства, в частности, в Западной Сибири, стали 1960–1980-е гг. Особый интерес среди изданий этого этапа для нас представляют монографии и статьи Ф. Ф. Шамахова, посвященные выявлению специфических черт западносибирской школы и педагогов. В исследованиях рассматрива-

ется процесс функционирования народной школы на огромных пространствах Западной Сибири. Выводы, сделанные автором, подчеркивали аполитичность преподавательского коллектива гимназий, проправительственную ориентацию этой группы педагогов в силу их буржуазного происхождения в противовес революционной активности народных учителей.

1970–1980-е гг. характеризуются углублением тематики исследования ранее поднимаемых тем. Обращение к учительству как самостоятельной проблеме в рамках глобальной темы дореволюционной системы образования связано с именем Ф. Г. Паначина. В его труд «Учительство и революционное движение в России (XIX – начало XX вв.)» вошли материалы по политике правительства в отношении профессиональной подготовки педагогов; рассмотрено правовое положение учителей в учебном заведении; детально прослежен процесс складывания профессиональных союзов учительства, выработки корпоративных интересов и их защита на съездах в ходе революции 1905–1907 гг.³

Таким образом, советский период историографии характеризуется разработкой крупных тем, таких как дореволюционная система образования Российской империи и участие интеллигенции в революционной борьбе. На протяжении этого периода отечественной историографии наблюдается тенденция к отказу от «революционной» тематики работ, изложенных в духе классовой теории, свойственной первому этапу советской науки, и выходу на комплексный анализ исследования интеллигенции в дореволюционном обществе и места школьной реформы в общественной жизни страны.

Современный период в разработке проблемы дореволюционного педагогического сообщества начался в 1990-е гг. Первым обобщающим трудом по дореволюционному учительству Российской империи стала монография И. В. Сучкова «Учительство России в конце XIX – начале XX вв.»⁴ Она призвана выявить некий общеимперский тип учителя с проблемами службы и быта, общими для любого региона империи.

Дальнейшее развитие тема получила в трудах Е. Н. Щербляковой, Е. В. Комлевой, И. В. Неупокоева, М. В. Егоровой, посвященных различным аспектам службы и жизни педагогов на материале отдельных губерний. Названные исследователи раскрывают положение и специфику поведения учителей в дореволюционной школьной системе с позиций истории повседневности и новой социальной истории, обращая внимание на детали быта педагогов различных типов школ.

Исследования Н. И. Чуркиной посвящены проблеме места учительства в дореволюционном российском обществе. XIX в., по мнению автора,

---

³ Паначин Ф. Г. Учительство и революционное движение в России (XIX – начало XX вв.) // Историко-педагогические очерки. М., 1986.

⁴ Сучков И. В. Учительство России в конце XIX – начале XX вв. М., 1994.

характеризовался господством государства над школьной системой и стремлением сформировать учителя – государственного служащего, соответствующего решению официальных задач⁵.

Среди работ по истории школьного дела можно назвать публикации Ю. Р. Гореловой, В. А. Зверева, К. Е. Зверевой, затрагивающие проблемы истории создания и функционирования сибирской школы.

В 1990-е гг. по проблеме роли интеллигенции в дореволюционном обществе написаны работы Т. А. Сабуровой, Е. А. Дегальцевой. Так, Т. А. Сабуровой рассмотрено положение нескольких категорий образованного общества Омска рубежа веков, в том числе и учителей, и даны характеристики особенности служебной и внепрофессиональной деятельности этих страт общества. Е. А. Дегальцева и Д. И. Попов рассматривают сибирскую интеллигенцию в качестве либерально мыслящей части общества.

Современный период отечественной историографии включает в себя комплекс работ, посвященных статусу учителей в дореволюционной школе. Характерной особенностью исследований этого периода стало привлечение в качестве источников материалов личного происхождения, которым ранее предпочитали данные статистики. Облик учительства перестал ограничиваться налагавшимся на него в советские годы клише представителя средней и мелкой буржуазии и рассматривается с позиций профессиональной принадлежности педагога к государственной школьной системе или школам ведомства православного исповедания.

Анализ историографического обзора позволяет говорить об отсутствии обобщающих исследований, посвященных социокультурному облику учительства в системе образования и общественной жизни Западной Сибири.

Объект исследования – учительство начальной, низшей и средней ступени общеобразовательных учебных заведений Министерства народного просвещения (далее – МНП) (включая этноконфессиональные школы) и ведомства православного вероисповедания. Под учительством мы подразумеваем социoproфессиональную группу, объединявшую лиц, занятых в сфере образовательной деятельности, следовавших единой корпоративной культуре и общим правилам преподавания, учрежденным правительственными распоряжениями в 1880-х – 1914 гг.

Предмет исследования – социокультурный облик учительства в Западной Сибири в 1880-х – 1914 гг., включающий в себя совокупность компонентов, отражающих сущность учительского сообщества. Критерии выделения присущих педагогам характеристик включают в себя социально-экономическую (материальное положение), социально-правовую (правовое положение, место в государственной структуре, система наградений)

---

⁵ Чуркина Н. И. Этапы становления и особенности сибирского учительства // История образования и просвещения в Западной Сибири. Омск, 2007.

и социально-психологическую (ценностные установки, поведенческие реакции преподавателей) составляющие.

Цель исследования – выявить и охарактеризовать особенности социо-культурного облика учительства в Западной Сибири в 1880-х – 1914 гг.

Для достижения данной цели потребовалось решить ряд связанных между собой **задач**:

1. Определить структуру и критерии образовательной, социально-правовой и демографической дифференциации учительства.
2. Выделить группы западносибирского учительства на основании выбранных критериев.
3. Выявить особенности положения и социокультурного статуса учителей государственных и этноконфессиональных школ.
4. Охарактеризовать профессиональную служебную деятельность педагогов различных типов школ.
5. Определить основные направления профессиональной служебной и внеурочной деятельности учителей и оценить их роль в формировании корпоративной культуры и ценностных ориентиров педагогов.
6. Установить формы гражданской активности учителей.

Методология работы базируется на идеях социальной истории, понимаемой как изучение социальной структуры, т. е. исследование истории социальных ячеек, групп, институтов, движений. Методология изучения отдельной социoproфессиональной группы, каковой можно считать западносибирское учительство, складывается на основе применения принципов и методов истории и социологии. Под социoproфессиональной группой в социологии подразумевается совокупность лиц одной профессии, объединенных сходными знаниями и навыками, осознание общности профессиональных интересов. Мы использовали гипотезу Н. П. Матхановой для раскрытия социально-экономического и социально-правового компонентов социокультурного облика учителей. Принадлежность к одной социокультурной группе «предполагает одинаковый или близкий социальный статус, происхождение, имущественное положение, образовательный и культурный уровень, типологию досуга, определенный стиль жизни и поведенческую модель»⁶. Для раскрытия социально-психологического компонента социо-культурного облика педагогов нами привлечен *деятельностный подход*, разработанный С. Л. Рубинштейном и А. Н. Леонтьевым. Базовым тезисом этого подхода является признание единства сознания и деятельности или отсутствие противоречия этих компонентов друг другу.

Исследование базируется на *принципе историзма*, подразумевающего вписывание объекта изучения в контекст эпохи и характеристику его

---

⁶ Матханова Н. П. Социокультурные группы в составе администрации Восточной Сибири 1840–1860-х годов // Русская интеллигенция. История и судьба. М., 2000. С. 252.

эволюции во времени. Для раскрытия поставленных в исследовании задачи мы используем историко-генетический, историко-системный и историко-сравнительный методы.

Территориальные рамки исследования ограничиваются пространством Томской и Тобольской губерний, а также Акмолинской области в рамках дореволюционного административного деления, что соответствует большей части территории Западно-Сибирского учебного округа, образованного в 1885 г.

Хронологические границы научной работы охватывают период с 1880-х гг. до 1914 г. *Нижняя граница* обоснована временем фактической реализации в Западной Сибири основных положений реформ школьного дела 1865–1875 гг. Реализация реформ в рамках Сибири выразилась в создании в 1885 г. Западно-Сибирского учебного округа, в создании в 1884 г. сети школ ведомства православного исповедания и концентрации всех ранее существовавших общественных учебных заведений в ведении МНП. *Верхняя граница* связана с изменениями системы школьного образования под влиянием Первой мировой войны, нарушившей естественное развитие школьного дела в стране и регионе.

Источниковая база. Нами был привлечен широкий круг разноплановых источников: а) делопроизводственная документация; б) статистические источники; в) источники личного происхождения; г) законодательные акты; д) публицистика; е) материалы периодической печати.

Делопроизводственная документация представлена деловой перепиской внутриведомственного и межведомственного характера, отчетами учебных заведений дирекциям училищ или попечителю учебного округа; распоряжениями министра просвещения попечителю Западно-Сибирского учебного округа, а также попечителя отдельным учебным заведениям, дирекцией народных училищ школам и т. д. (ГАТО. Ф. 100, 125, 126; РГИА. Ф. 287, 733, 1291).

При работе над выявлением критериев групповой дифференциации учительства нами широко применяются статистические источники: памятные книжки Западно-Сибирского учебного округа за 1890, 1900, 1909 гг., извлечения из отчетов попечителя учебного округа, формулярные списки учителей (ГАТО. Ф. 99, ГУ ИсАОО. Ф. 62, 115) и специальные статистические исследования («Всеобщая перепись населения Российской империи» 1897 г. и «Однодневная перепись начальных школ» 1911 г.).

Сведения, полученные из источников личного происхождения, позволяют выявить индивидуальные характеристики учителя как государственного служащего и общественного деятеля, взглянуть на проблему взаимоотношений власти, педагогического коллектива и общества глазами самих преподавателей (воспоминания В. А. Яхонтова, И. К. Чувашевой; дневники Н. Ф. Шубкина, личные письма А. Н. Седельникова-старшего и др.).

Важные сведения о положении дореволюционного учительства дают законодательные акты («Свод уставов о службе гражданской») и сборники постановлений, выпускавшиеся МНП. Основным содержанием законодательства являлось формальное причисление учителей к государственным служащим Российской империи, что позволяет рассматривать их как чиновников.

Публицистику характеризует четко выраженная авторская позиция, художественная выразительность и специфическая проблематика (наиболее острые и злободневные проблемы современности). Для работы нами привлекались публицистические издания двух типов: статьи, размещенные в толстых журналах или выпущенные отдельными сборниками, и короткие заметки, размещенные в газетах в разделе «Городская хроника».

Периодическая печать как источник носит комплексный характер, содержит в себе материалы делопроизводства (в виде отчетов различных обществ), нормативные и законодательные акты, заметки, письма и воспоминания педагогов, публицистические статьи, фельетоны и некрологи. В фельетонах, имевших целью сатирическое обличение пороков современности, нашли отражение образы как учителя-чиновника, чуждого как идеалам просвещения, так и народного труженика. Нами были также востребованы *отраслевые периодические издания* «Омские епархиальные ведомости» (Омск, 1902, 1910–1914 гг.), «Тобольские епархиальные ведомости» (Тобольск, 1882–1886 гг.), педагогические журналы «Журнал Министерства народного просвещения» (СПб., 1880–1899, 1901–1904, 1908–1913 гг.), «Известия по народному образованию» (СПб., 1904–1908, 1911–1913 гг.), «Народное образование» (СПб., 1897–1900 гг.; 1906–1913 гг.); частный журнал «Русская школа» (1890–1913 гг.), ежемесячные общественно-политические издания «Мир Божий» (СПб., 1892–1906 гг.) и «Сибирские вопросы» (СПб., 1905–1912 гг.); газеты «Сибирская жизнь» (Томск, 1887–1913 гг.), «Сибирский листок» (Тобольск, 1887–1913 гг.), «Омский вестник» (1909–1914 гг.), «Омский телеграф» (1907–1913 гг.), «Степной край» (Омск, 1893–1905 гг.).

Научная новизна диссертационного исследования состоит в выявлении социокультурного облика учителей Западной Сибири в 1880-х – 1914 гг. на основе выделения нескольких социальных групп в составе учительства и характеристики влияния принадлежности к той или иной группе на поведение педагогов в сфере профессиональной, внеслужебной и общественной деятельности. Было предложено выделение в отдельный тип в рамках дореволюционной школьной системы конфессиональной школы в силу отличия религиозных представлений о положении и роли учителя в обществе от задач, декларированных государством. Выявлена эволюция облика педагога, произошедшая в пореформенный период на фоне складывания корпоративной культуры учительского сообщества, распространяв-

шей требования на каждого своего носителя. Охарактеризована степень и формы участия учителей различных учебных заведений в общественной и политической жизни региона. Введен в научный оборот ряд неопубликованных источников.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его материалы могут быть использованы при подготовке работ по отечественной истории, истории Сибири, истории педагогики, применены при разработке основных, специальных и факультативных курсов по региональной истории.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации отражены в двенадцати публикациях, в том числе в двух, рекомендованных ВАК, а также представлены в виде сообщений и докладов на всероссийских (Нижевартовск, 2009; Омск, 2009) и международных (Иркутск, 2009; Омск, 2009) научных конференциях.

Основные положения, вынесенные на защиту:

1. Социально-правовое положение учителей различалось в зависимости от типа школ (средняя, низшая, начальная и конфессиональная школы), в которых они трудились.

2. Со стороны учебной администрации и общества существовали мировоззренческие различия в восприятии места и роли учительства в региональном социуме, вызванные неодинаковым пониманием роли педагога (основная функция учителя в рамках министерских учебных заведений – государственный служащий, в церковно-приходской школе (далее – ЦПШ) – духовный учитель, в этноконфессиональной школе – «проводник политики унификации», в то время как в обществе сформировался идеал учителя-просветителя).

3. В последней четверти XIX в. началось оформление нового типа учителя-чиновника, для которого характерно повышение (в сравнении с предыдущим периодом) значения профессиональных качеств педагога, строгий формализм в подаче материала, бюрократизм в системе отношений с администрацией и учащимися.

4. В 1880–1900-е гг. в Западной Сибири завершилось складывание корпоративной культуры учительского сообщества, характерными чертами которой явилось строгое следование распоряжениям вышестоящего начальства; установление субординации в отношениях с коллегами, учебной администрацией и учениками; наличие юридического оформления новой учительской корпорации рядом указов и положений ведомств МНП и православного исповедания; складывание форм внеслужебной деятельности и досуга для членов одного учебного заведения или школ нескольких типов.

5. В 1880–1900-е гг. западносибирские преподаватели принимали незначительное участие в общественных объединениях и выявляли свои предпочтения при выборе организаций в зависимости от принадлежности к определенному типу школ. Педагоги начальной и низшей школы, как правило, были сотрудниками учительских обществ взаимопомощи в силу слож-

ного материально-правового положения этих групп учителей, в то время как преподаватели средних учебных заведений были представлены в различных просветительских и благотворительных обществах, ставших своеобразными салонами для представителей интеллектуальной элиты края.

6. За период 1880–1900-х гг. произошла эволюция представлений учительства Западной Сибири о единстве профессиональных интересов всего педагогического сообщества региона, получившая свое воплощение в учительских обществах в 1905–1907 гг., нацеленных на достижение профессиональных задач. В период реакции произошел отказ от идеи единства задач учителей всех типов школ, и деятельность педагогических сообществ сосредоточилась на разрешении текущих проблем учительства низшей и начальной школ.

7. Преподаватели всех типов учебных заведений проявили низкую гражданскую активность как в легальных (участие в выборах делегатов в Государственную думу, членство в сельхозкомитетах Сибири), так и в нелегальных (антиправительственные выступления в годы первой русской революции) формах общественной деятельности.

8. В социальной роли учителей Западной Сибири имелись отличия от положения их коллег из Европейской России, проявившиеся прежде всего в отсутствии доверия к первым широким слоям населения. Сибирские учителя, как правило, воспринимали себя в качестве опоры государственного строя и существовавших устоев, хранителями традиций и ассоциировались в глазах обывателей с правительственными чиновниками.

Структура работы: работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка источников и литературы, приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Во **введении** обосновывается актуальность темы, историография вопроса, определяется объект и предмет, территориальные и хронологические рамки, формулируются цели и задачи исследования, показывается научная и практическая новизна, представлена апробация результатов исследования, излагаются методологические основы работы.

Первая глава **«Социальные группы западносибирского учительства конца XIX–начала XX вв., их правовой статус и материальное положение»** включает четыре параграфа. В основе деления – принадлежность учителей каждой исследуемой социальной группы к занимаемой ступени в системе образования. Автором выделена в рамках дореволюционной системы обучения низшая школа, педагогический коллектив которой по своему материально-правовому состоянию и уровню профессиональной подготовки занимал промежуточное положение между учителями начальной и средней школы.

Первые три параграфа посвящены рассмотрению положения учителя в средней, низшей и начальной школе. В качестве критериев, в рамках которых сравниваются преподаватели трех типов учебных заведений, выступают их образовательный ценз, необходимый для занятия должности, материальное положение, права, половозрастной состав, социальное происхождение и педагогический стаж, типичные для учителей каждого вида школы в Западной Сибири. Включение педагогов в штат государственных служащих ведомства МНП позволяет давать характеристику положению каждой социокультурной группы сообразно месту, занимаемому этой категорией в структуре чиновничества.

В первом параграфе «*Преподаватели средней школы*» рассматривается на основе вышеперечисленных критериев положение педагогов мужских и женских гимназий, прогимназий и реальных училищ. Учителя средней школы составляли элиту в школьной иерархии. Наличие значительных требований к подбору преподавательских кадров предопределило специфику положения учителей гимназий и реальных училищ региона. Основной контингент преподавателей средней школы составляли выходцы из Европейской России, получившие образование в лучших высших учебных заведениях империи и имевшие особые материальные привилегии за службу в отдаленном регионе в суровых климатических условиях. Они обладали наибольшим объемом прав и привилегий, выражавшимся в возможности быстрого служебного роста и в ускоренной выслуге лет. Повышение жалования обеспечивалось не чинами, а продвижением по службе в виде получения новой должности. Последнее обстоятельство явилось причиной карьеризма, нередко присущего этой категории учителей. С другой стороны, преподаватели средней школы, в отличие от их коллег из низших и начальных учебных заведений, оказались включенными в жесткую систему взаимоотношений с администрацией учебного заведения и учебного округа ввиду своего высокого положения в государственной образовательной иерархии. Процент учительниц был невелик в этой группе учебных заведений, за исключением женских школ (7,5 % в 1909 г. в мужских гимназиях, 8 % в реальных училищах и 79 % в женских гимназиях)⁷. Появление женщин в системе образования средней школы наметилось только к началу XX в. В основном они занимали должности классных дам в женских учебных заведениях и учительниц новых (иностранных) языков в мужских гимназиях. В реальных училищах преподавательские должности женщины получают только в 1910-е гг. в условиях нехватки квалифицированных специалистов.

Высокий правовой и социальный статус государственных служащих значительно отличал эту часть представителей учебной системы от

---

⁷ Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1909 год, заключающая в себе список учебных заведений с указанием времени открытия, источников содержания, размера платы за учение, числа учащихся и личного состава служащих. Томск, 1909. С. 49–149.

их коллег низшей и начальной школ, препятствуя профессиональной солидарности. В то же время изменения в преподавательском составе имели региональную специфику. Привилегии для служивших в отдаленных регионах предопределили систему ценностей и поведение большинства педагогов средней школы как обособленной социальной группы, что проявилось в их ориентированности на построение карьеры. Высокий уровень образованности этого сообщества контрастировал с безграмотностью большинства сибирского населения, накладывая на носителей просвещения дополнительные функции хранителей и трансляторов культуры и общественных интересов.

Второй параграф «Педагоги низшей школы» посвящен рассмотрению материально-правового положения, культурно-образовательного уровня и социального происхождения следующей группы педагогов в рамках революционной школьной системы. Преподаватели низшей школы, состоявшие в штате МНП, также имели значительные привилегии в качестве государственных служащих, однако в силу своего второстепенного положения в системе образования, по сравнению с учителями средней школы, имели меньший объем прав и меньше контролировались вышестоящими структурами. Служебный рост и причитавшееся по выслуге лет материальное вознаграждение и повышение в чинах гарантировали стабильность жизненного положения педагога и, таким образом, предопределяли большую заинтересованность в чинах и карьерном росте у преподавателей Западной Сибири по сравнению с их европейскими коллегами. Соотношение среди педагогов низшей школы выпускников институтов центральных губерний и сибирских профессиональных учебных заведений (Омский учительский институт и Омская учительская семинария) постепенно менялось в исследуемый период в сторону увеличения числа последних. Учительницы составляли значительный процент среди педагогов приходских училищ (прежде всего в городах). Так, если в 1896 г. на 78 женщин в городских приходских училищах Западно-Сибирского учебного округа приходилось 95 мужчин, то в 1911 г. в одноклассных училищах на 298 женщин приходилось 77 мужчин⁸. В уездных училищах, имевших более консервативные устои, напротив учительниц не было. В городских училищах по Положению 1872 г. рост числа женщин-педагогов соответствовал этим же процессам в средней школе и пришелся на 1900-е гг., время постепенной либерализации отношений в учебной среде (в 1890 г. учительниц городских училищ не было, в 1909 г. на 135 учителей приходилось 16 учительниц)⁹.

---

⁸ Статистические сведения по начальному образованию в Российской империи за 1896 г. СПб, 1898. С. 180; Однодневная перепись начальных школ в империи, произведенная 18 января 1911 года. СПб., 1914. Вып. XII–XV. С. 11.

⁹ Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа за 1890 г. Томск, 1890. С. 124–145; Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1909 г. ... С. 201–216; 335–349.

Промежуточное положение училищ низшей школы между средней и начальной выразилось в многообразии прав и обязанностей, возрастных и образовательных цензов, присущих педагогам. Подобное смешение в рамках одного разряда нескольких типов школ привело к налаживанию контактов между педагогическими коллективами в западносибирских городах и пониманию проблем и желаний коллег. Последнее сыграло решающую роль в создании учительских обществ, где состояли учителя уездных, городских и приходских училищ, помогавшие коллегам не только в рамках своего учебного разряда, но и педагогам народной школы.

Место педагогов народных школ в системе образования получило освещение в третьем параграфе «Учителя начальной школы». Специфической чертой этой социальной группы учителей было положение «вне штата» государственных служащих МНП, что предопределило трудности финансового и правового характера и в то же время дало большую свободу в преподавании и общении с населением, по сравнению с их коллегами из двух вышеназванных типов школ. Ситуацию усложняла система финансирования сельских школ. Если в центральных губерниях с 1890-х гг. содержание школ приходилось исключительно на земства, то в Сибири содержание школы и учителя возлагалось как на МНП, так и на крестьянскую общину в разных долях в каждом конкретном случае. Доля крестьянских взносов могла составлять до половины стоимости содержания школы и жалования учителя. Учитель в этом случае воспринимался населением в качестве чужака, навязанного сверху, что вызывало недоверие и, порой, презрение к нему.

Педагогами начальных училищ нередко становились профессионально неподготовленные люди, что объяснялось высокой потребностью в педагогах для растущего числа народных школ. В то же время лица, окончившие учительскую семинарию, в основном выходцы из крестьян, не стремились заняться педагогической деятельностью ввиду низкой престижности этой службы в обществе из-за тяжелого материально-правового положения народного учителя. В отличие от Центральной России, сибирский крестьянин не испытывал проблем с землей и, соответственно, не нуждался в иных формах заработка на жизнь. Педагогическая служба для многих выпускников учительской семинарии была временным занятием, гарантировавшим получение прав и привилегий, главными из которых был выход из податного состояния и освобождение от несения воинской службы.

Степень притягательности службы для учителей определяется по среднему возрасту выхода на пенсию или смены вида деятельности. Выявление количества лет, необходимых для достижения достойного места в занимаемой ступени образования, позволяет установить прямую зависимость между образовательным уровнем специалистов, требуемым учреждением, и степенью стабильности служебной деятельности педагога. В связи с этим наименьший педагогический стаж был у народных педагогов, в то время как

наибольший срок пребывания в учительской должности имели преподаватели гимназий, терявшие с уходом на пенсию материальный достаток и высокий социальный статус. Помимо высокой текучести кадров, в качестве косвенного свидетельства непривлекательности профессии учителя для широких слоев населения можно назвать неравное соотношение мужчин и женщин среди народных педагогов. Учительницы составляли значительный контингент педагогов начальных школ, поскольку низкая оплата труда делала этот вид службы непривлекательным для мужчин (40,7 % составляли сельские учительницы)¹⁰. В то же время выпускницы училищ или педагогических классов гимназий не могли найти лучших условий работы.

Низкая заработная плата и значительная занятость народных педагогов, включавшая помимо непосредственной педагогической деятельности обустройство здания школы и поддержание чистоты и порядка в ней, служили причиной слабой общественной активности народных учителей, ограничив их участие в учительских обществах ежегодным внесением членского взноса или проведением народных чтений для сельской общины по распоряжению учебной администрации.

Четвертый параграф «Учителя этноконфессиональной школы и учебных заведений ведомства православного исповедания» посвящен характеристике особых социальных групп педагогов, характерных для образовательного пространства Западной Сибири. Учителя этой группы училищ не могут быть рассмотрены нами в рамках предложенной выше схемы деления школьной иерархии на среднюю, низшую и начальную школу не только в силу подчинения указанных учебных заведений иной администрации (как это было в случае с ЦПШ), но и ввиду особой роли учителя в конфессиональной школе для учеников (как это было свойственно и этноконфессиональным училищам, и ЦПШ). Особая роль учителя (в духовном смысле слова) позволяет нам несколько отступить при рассмотрении этого типа преподавателей от предложенной выше дифференциации. Положение и роль учащихся в этноконфессиональных школах и ЦПШ необходимо оценивать через призму религиозных представлений той или иной конфессии. По перечисленным выше критериям (образование, материально-правовое положение, педагогический стаж, половозрастной состав педагогов) нами выявлено особое положение в дореволюционной системе образования учителей начальной и низшей школы различных конфессий, прослеживая влияние религиозных установок на отношение к образованию и педагогу как его транслятору и хранителю знаний. В ходе реформ последней четверти XIX в. этноконфессиональные (католические, протестантские, магометанские, иудейские) школы были введены в состав министерских учебных заведений, подведомственных МНП. Это позволяет рассматривать материально-правовое положение педагогов в них, сопоставляя его с положением их русских

---

¹⁰ Однодневная перепись... С. 11.

коллег из светских учебных заведений, учитывая национальную и религиозную специфику. Нами выявлено расхождение в задачах, поставленных учебной администрацией перед педагогом в стенах инородческого училища, в зависимости от происхождения учителя и места получения образования, с явным преимуществом в объеме прав для специалистов православного исповедания. «Учитель-пастырь» в сознании местных этноконфессиональных общин противопоставлялся имперскому «педагогу-чиновнику». Спасение население видело в создании «тайных» школ и пассивном сопротивлении унификации образования.

Коренные народы Сибири получали начальное образование в учебных заведениях ведомства православного исповедания. ЦПШ получили широкое распространение и среди русского населения, составив конкуренцию в деле просвещения деревни светской школе. Церковно-приходские, миссионерские и школы грамоты ведомства православного исповедания, а также этноконфессиональные училища, подчиненные МНП имели свои особенности функционирования и автором рассматриваются в качестве особого четвертого типа школы. Роль учителя в учебных заведениях этого типа определялась задачами, поставленными перед училищем церковными иерархами или, в случае «инородческих школ», обществом и не соответствовала положению педагогов министерских школ.

При оценке уровня подготовки, финансового и правового положения учителя ЦПШ мы взяли за основу место педагога в церковной иерархии, а не в системе государственных служащих. Сопоставление условий службы народных учителей ЦПШ и министерского училища позволяет говорить о занятии учителями в рамках учебных заведений ведомства православного исповедания низшей ступени в западносибирской школьной системе по образовательному уровню и материально-правовому состоянию.

Вторая глава **«Служебная и внеслужебная деятельность западносибирского учительства и ее влияние на формирование профессиональной системы ценностей»** посвящена выявлению и анализу особенностей службы и повседневной жизни западносибирских педагогов в последней четверти XIX – начале XX вв. Степень служебной и гражданской активности учителей рассматривается, начиная с контактов в рамках учебного дела (отношения в педагогическом коллективе, с администрацией, с учащимися и их родителями) и заканчивая участием педагогов в крупных общественных и политических организациях своего времени. Для реконструкции социокультурного облика преподавателей дореволюционного общеобразовательного учебного заведения в Западной Сибири в качестве объединяющего фактора проанализирована профессиональная культура педагогов, оказывающая определенное влияние на формирование мировоззрения и поступки ее носителей. Эта схема позволяет выявить закономерности поведения педагогов разного возраста, пола и социального происхождения, но принадлежавших к одному типу корпоративной культуры в рамках ЦПШ, начальной,

низшей или средней школы и, таким образом, объединить очень разных людей в единую профессиональную корпорацию, доступную научному анализу.

В первом параграфе *«Должностные профессиональные педагогические обязанности учителей и формирование корпоративной системы ценностей»* рассматриваются служебные будни преподавателей всех типов школ, а также условия формирования корпоративной культуры учительства нового типа в последней четверти XIX в. Реформа Д. А. Толстого, направленная на повышения профессиональных качеств преподавателей, нашла воплощение на практике в 1880-х гг. В целях преодоления прежних недостатков школьного дела учителей привлекали на службу повышением жалования и возможностью карьерного роста. Учтя негативные стороны прежней школьной системы, МНП установило жесткий контроль над педагогическим коллективом, в основе которого лежало выполнение циркуляров вышестоящего начальства и установление жестко регламентированных отношений внутри персонала школ. Налаживанию бюрократизированного взаимодействия, созданию строгой субординации учителей начальству и сведению к минимуму контактов с учащимися и их родителями и были посвящены реформы 1860–1870-х гг. Повышение образовательного уровня преподавателей гарантировало администрацию от срыва занятий. Создание системы поощрений породило заинтересованность учителей в построении карьеры. Первыми обюрократизирование на себе испытали коллективы гимназий и реальных училищ, затем изменения проникли в низшую школу, а к началу XX в. и в начальные учебные заведения. В последних перемены в поведении учителей носили опосредованный характер и выразились в усвоении преподавателями некоторых внешних форм поведения. В 1900-е гг. происходит дальнейшая трансформация нового типа педагога, произошедшая под влиянием событий первой русской революции. На смену бюрократизму и формализму, царившему в отношениях между учителями и учащимися в последней четверти XIX в., пришли либеральные и даже демократические порядки.

В конце XIX в. получила оформление корпоративная культура учительства. Компонентами её явились: а) жесткое подчинение вышестоящему начальству и соблюдение субординации (выраженное как во внешней форме – системе чиновпроизводства и введение знаков различия, так и во внутренней – налаживании делопроизводственной документации в виде распоряжений и циркуляров вышестоящего начальства и отчетов и рапортов нижестоящих служащих); б) выработка единого стиля разрешения внутренних конфликтов и проблем вынесением их на рассмотрение учебной администрации, отказ от частных форм разрешения служебных и личных разногласий между педагогами; в) установление строго регулируемых форм контактов с учащимися и их родителями, создание жесткой субординации в отношениях учащихся к своим воспитателям и преподавателям, передача функции контактов с обществом учебной администрации,

минуя преподавателей; г) регламентация положения преподавателя целым рядом циркуляров и постановлений, требующих обязательного исполнения предписаний, заключенных в них; д) наличие соответственных форм внеслужебной, в основном благотворительной и просветительской, деятельности в рамках одного или нескольких учебных заведений одного типа.

Оформляется разрыв прежде коротких отношений между педагогами и учениками. Проблемами новой школы общество называет формализм и бюрократизм. Новая система быстро прижилась в школе, проявив положительные и отрицательные стороны. Учитель становится государственным служащим (чиновником) как *de jure*, так и *de facto*.

В параграфе рассмотрена повседневная служебная деятельность учителей четырех типов школ в сибирских условиях, а также характер контактов в профессиональном коллективе и вне его. Выбор подхода к школьному делу породил несколько типов преподавателей. Современные исследователи выделяют несколько форм отношения к службе со стороны преподавательского коллектива школ всех вышеуказанных четырех групп. Наиболее емкими нам показались определения Г. И. Козловой, выделившей типы «учителей-консерваторов», «учителей-чиновников» и «учителей-прогрессистов». Под первым она подразумевает четкое следование циркулярам учебной администрации и ревностное отношение к службе со стороны учителя, под вторым – «формализм и казенно-рутинное отношение к делу», инертность преподавателя при осознании всех негативных моментов в учебном процессе (отсутствие ярких черт не позволяет выделить среди известных сибирских педагогов носителей этого типа)¹¹. Наконец, в третью категорию учительства исследователем выделены учителя, стремившиеся усовершенствовать педагогический процесс и дать ученикам новый взгляд на изучаемый предмет, но принужденные в большей части действовать в рамках строгих догм, совмещая внешние формы поведения «учителя-чиновника» с подлинными задачами просвещения учащихся. Данные характеристики выявляют раскол, произошедший в учительском коллективе в исследуемый период, повлиявший на оценку педагогами себя как членов общества и как государственных служащих, а также дают информацию о степени интеграции отдельных учителей в новую профессиональную систему ценностей.

Второй параграф «*Основные формы профессиональной внеслужебной деятельности учителей*» посвящен бытовой стороне жизни педагога, его контактам вне стен учебного заведения. На круг общения и организацию досуга преподавателя влияли как его должностное положение и место в школьной иерархии, так и индивидуально-психологические и личностные симпатии и антипатии.

---

¹¹ Козлова Г. И. Образ учителя русской гимназии XIX – начала XX веков в литературе // Педагогика. 2000. № 2. С. 67–69.

Во внеслужбное время учитель призван был решать ряд задач, возлагавшихся на него учебной администрацией как на чиновника (в министерской школе) или на миссионера (в ЦПШ). В число этих задач входило участие в проведении статистических переписей, народные чтения, работа в библиотеке (особенно в отдаленных глухих районах, где учитель гарантировал проверку благонадежности выдаваемой широким слоям населения литературы), проведение экзаменов на первый классный чин (возлагалось на педагогические коллективы низшей школы) и т. д.

Для повышения профессиональных навыков в свободное от службы время учителя посещали педагогические курсы и съезды, а также участвовали в экскурсиях. Целью этих мероприятий было как повышение профессиональных навыков педагога, так и совершенствование его интеллектуального уровня. Повседневная жизнь учителей подвергалась не менее строгой регламентации и контролю, чем служебная деятельность. Дистанция, созданная между педагогом и обществом, сохранялась и вне стен школы. Широкие слои населения иначе видели задачи учителя, выражая свое мнение в виде ходатайств крестьянскому начальству от общины в деревне или писем в либеральные периодические издания в городе. Высоко ценилась практическая значимость учения и, в случае городской общественности, можно говорить о потребности в гражданском воспитании молодежи. Выполнение педагогом задач, поставленных перед ним государством, порождало конфронтацию учителя с обществом и создание в общественном сознании горожан неких обобщенных образов «дурного» городского и «идеального» сельского педагогов.

Исследование форм внеслужбной деятельности педагогов позволяет отметить комплексный характер их социокультурных представлений и ценностей. С одной стороны, преподаватели всех типов учебных заведений руководствовались в повседневной жизни принципами поведения государственных служащих: непререкаемость авторитета вышестоящего начальства и своего собственного авторитета по отношению к подчиненным, «честность службы», исполнительность, благонадежность. С другой стороны, учитель как личность, как представитель интеллигенции в местном обществе мог высоко оценивать воспитание «гражданственности» в широких слоях населения, просвещение как панацею от существовавших проблем общества. В отличие от преподавателей центральных губерний, учителя западносибирских школ в силу слабости общественных институтов и присущих им ценностных ориентиров, как правило, оказывались под большим влиянием государственных приоритетов.

Участие западносибирских учителей в общественной жизни региона рассмотрено в третьем параграфе «*Формы гражданской активности педагогов*» на примере работы педагогов в филантропических и профессиональных объединениях. Чаше других в благотворительных мероприяти-

ях участвовали преподаватели гимназий, имевшие больше свободного времени, чем их коллеги из низшей и начальной школ. Педагоги нередко относились формально к своему участию в делах того или иного объединения, ограничиваясь внесением ежегодных членских взносов.

Вплоть до первой русской революции можно говорить об отсутствии представлений о единстве профессиональных интересов всего педагогического сообщества. Существовало взаимное неприятие учителями разных типов учебных заведений профессиональных и личных интересов друг друга. Преподаватели начальной, низшей и средней школы практически никогда не оказывались в рамках одного объединения или, состоя в нем, не признавали отстаивание общих интересов своей задачей. Последнее объясняется серьезными различиями в культурно-образовательном уровне и, материально-правовом положении учителей средней и начальной школ. Особенно ярко это было заметно в рамках профессиональных учительских сообществ.

Учительские объединения действовали в рамках четырех типов школ. В единых организациях состояли преподаватели средней, низшей и начальной школ, однако неприятие первыми проблем сельских учителей порождало частые столкновения внутри коллективов и выход преподавателей гимназий и реальных училищ из числа действительных членов профессиональных обществ. Свои профессиональные объединения имели педагоги школ ведомства православного исповедания.

Не было взаимопонимания в определении задач учительских объединений не только среди учителей разных типов школ, но и между педагогами, принадлежавшими к разным этноконфессиональным группам в рамках учебных заведений одной ступени. Для русских просветителей школа была путем к пробуждению гражданского сознания населения, а значит, к свободе. Между тем для представителей иных культур религия являла собой основу их национальной и культурной самоидентификации.

Изучение участия педагогов в различных сферах общественной деятельности, как легальной (благотворительной, научной, просветительской, гражданской – участие в выборах в Государственную думу, работа в местных комитетах особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, публикации в общественно-политических и педагогических журналах и газетах), так и нелегальной (политической в годы первой русской революции) показало значительный раскол педагогического сообщества на не признающие интересы друг друга отдельные категории, аполитичность их в целом и отсутствие интереса большинства учителей к общественной деятельности, в том числе той, в которой они формально участвовали. Наибольшей активностью отличались педагоги Томска и Барнаула. Организация учительских союзов в этих городах началась в первой половине 1905 г. Перед педагогами стояли задачи профессионального объеди-

нения в рамках союза учителей всех учебных заведений города и округа. В Омске и Тобольске активность учителей была значительно ниже, свою роль сыграло аполитичное окружение педагогов, чьими идеалами и прониклись учителя.

Можно говорить о слабой степени участия западносибирских педагогов в легальной политической деятельности. Так, участие в выборах принимали наиболее граждански активные люди, как правило, являвшиеся членами местных благотворительных, научных или просветительских организаций. Отсутствие учителей в числе сибирских депутатов Государственной думы объяснялось, помимо их апатии, еще и недостатком доверия к этой категории государственных служащих у общества. Это заметно отличало учителей Сибири от их коллег из Центральной России, которые во всех созывах Думы составляли более 10 % от общего числа депутатов.

В большинстве своем депутаты из учителей по партийной принадлежности были условно отнесены к кадетам, т. е. были приверженцами умеренных либеральных взглядов. Небольшой процент среди учителей составляли сторонники РСДРП и других социалистических партий (в основном это были учителя начальных железнодорожных школ). С другой стороны, известны случаи членства педагогов в рядах «Союза русского народа», прежде всего из учителей ЦПШ и нередко под давлением (вплоть до угрозы увольнения) со стороны учебной администрации¹².

На наш взгляд, на формирование системы ценностей у большинства преподавателей влиял неписанный свод правил основных представителей образованного сообщества в регионе – чиновников. К числу основных правил относились четкое исполнение любых правительственных распоряжений (задача государственного служащего – поддержание существующего порядка, устанавливаемого структурами управления для общества), а также лояльность к власти во всех сферах деятельности. Последнее проявилось в широком участии учителей в легальных формах гражданской активности, поддерживаемых властью. В Западной Сибири чиновная составляющая в системе ценностей была значительнее, чем у их коллег из центральных губерний, что признавалось самими учителями. Помноженные на новую корпоративную культуру, эти представления легли в основу поведения педагогов в Западной Сибири, их особого отношения к служебным обязанностям и привилегиям службы, а через призму этого и к своей роли в общественной жизни, степени участия в ней.

В **заключении** подведены итоги исследования и сделаны обобщающие выводы. В дореволюционной системе образования наличествовало

---

¹² Порхунув Г. А. Городские демократические слои населения Сибири в общественно-политическом движении (1905–1914). Омск: Изд-во ОмГПУ, 1993. С. 77.

четкое разделение педагогического коллектива на несколько групп в рамках начальной и средней школ. На основе законодательных актов и ведомственных распоряжений МНП нами были выделены основные критерии, положенные в основу деления социально-профессиональной группы западносибирского учительства. Материальное положение и объем прав регламентировал социальный статус их носителя, а посредством него, в значительной степени и круг общения, образ мыслей и поступки представителей отдельных социокультурных групп.

Обращение к документам законодательного, делопроизводственного характера и источникам личного происхождения позволило выявить социокультурный облик учителей министерских школ, сложившийся в 1880-е гг. Это время характеризуется появлением особого типа поведения педагогов средней и низшей (в меньшей степени начальной) школ в отношении к учебному начальству, коллегам, учащимся и обществу. Объяснение этой перемены в поведении учителей лежит, как мы полагаем, в реформе учебного дела в 1866–1875 гг.

Изменения в системе образования потребовали повышения качества подготовки педагогов для учебных заведений. От педагога отныне требовалось прекрасно знать свой предмет, уметь его преподавать, воспитать благонадежное поколение квалифицированных кадров и, наконец, соблюдать интересы своей корпорации. Для преодоления негативных сторон прежней школьной системы (отсутствие дисциплины и непрофессионализм учителей) устанавливался постоянный контроль над педагогическим коллективом, в основе которого лежало выполнение циркуляров вышестоящего начальства. Задача подготовки молодого поколения потребовала выработки новой системы взаимоотношений в учебном заведении между администрацией, учителем и учащимися, что положило начало формированию корпоративной культуры педагогического сообщества.

Сопоставление специфики служебных обязанностей педагога и чиновника позволило выявить сущностную близость этих родов службы и обусловленное этим принятие учительством системы ценностей, свойственной чиновничеству. Занимаемая должность определяла и формировала не только непосредственную служебную деятельность учителя, но и круг общения, характер участия в общественной деятельности, а тем самым и систему мировоззрений. Черты, присущие социокультурному облику учителя-чиновника, наиболее полно воплотились в поведении и образе жизни преподавателей средней школы, в меньшей степени – у педагогов низших учебных заведений, и лишь фрагментарно проявились в жизни народного учителя. В Западной Сибири чиновная составляющая в системе ценностей, определявших поступки педагогов, была значительнее, чем у их коллег из центральных губерний, что признавалось самими учителями.

Особенностью западносибирского учительства можно назвать значительное количество в его составе педагогов церковно-приходских школ

и учебных заведений других этноконфессиональных групп. Различия между учителями этих типов школ лежит не столько в специфике учебных заведений, сколько в осознании обществом роли учителя и задачами, поставленными перед ним учебной администрацией. Кратко эти задачи можно охарактеризовать следующим образом: учитель министерской школы для титульной нации – «чиновник», таковы его функции в школе и общественной жизни, учитель школ ведомства православного исповедания – «апостол», несущий свет истины в души людей, чей образ мыслей и поведение должны соответствовать духу церкви, наконец, педагог инородческой школы, подвергнувшейся в 1880–1900-е гг. активной ассимиляции в рамках министерских учебных заведений, – это «миссионер», «цивилизатор», нацеленный на увеличение числа поданных империи.

Другой отличительной чертой стало распределение педагогов разных социокультурных групп в организациях того времени. В общественной и политической жизни большинство учителей проявляли аполитичность и безразличие, связанное как с профессиональной системой ценностей, так и с отставанием общественной жизни в Сибири по сравнению с Центральной Россией. Вплоть до первой русской революции в сибирском учительстве не было осознания единых профессиональных интересов, что мешало сотрудничеству учителей начальной (в том числе церковно-приходской), низшей и средней школ в рамках одного объединения. События 1905–1907 гг. выявили различия в социокультурном облике учителей разных губерний даже внутри Сибири. Причину этого мы видим в особенностях состава интеллигенции в разных сибирских городах. Значительная чиновная составляющая в образованном обществе Омска или Тобольска усилила консервативность местных учительских кадров, в то время как в Томске интеллигенция отличалась большей гражданской активностью и независимостью от власти, что сказалось на поведении местного учительства и его роли в событиях 1905 г. Взаимоотношения учителей и общества показали слабую степень влияния педагогов на обывателей, скорее выявилось обратное воздействие.

Вместе с тем нельзя не отметить наличие среди учителей Западной Сибири, как и всей России, несомненно выдающихся личностей, подобных, например, Н. Ф. Шубкину, М. М. Сиязову и др. Для этого типа учителей характерна активная гражданская позиция, участие в общественной деятельности и политических акциях. В своей преподавательской работе они отличались либерализмом мыслей, широкими научными интересами и вниманием к судьбе своих учеников. На примере этой категории учительства отчетливо проявилась тенденция к либерализации и демократизации педагогов в условиях новой революционной эпохи. Попытка правительства превратить учителей в послушный отряд чиновников столкнулась с объективными изменениями в общественных настроениях. Наличие внутри учительства этих двух социокультурных типов и двух тенденций развития отражало состояние российского общества начала XX в.

Основные положения и результаты диссертационного исследования отражены в следующих публикациях:

Публикации в научных журналах и изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. *Блинова, О. В.* Специфика участия учителей в культурно-просветительской деятельности общественных организаций Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. (на примере Западно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества) // Омский научный вестник. – 2010. – № 1. – С. 55–58.

2. *Блинова, О. В.* Этноконфессиональные школы Западной Сибири на рубеже XIX – XX веков: положение и роль учителей и особенности образования // Вестник ОмГУ. – 2010. – № 2. – С. 154–161.

Научные статьи и материалы выступлений на конференциях:

3. *Блинова, О. В.* Взаимодействие учителей сельских и городских образовательных учреждений Западной Сибири на рубеже XIX – начала XX вв. в рамках деятельности общественных организаций // Культура и интеллигенция России: инновационные практики, образы города. Юбилейные события. Историческая память горожан: материалы VII Всерос. науч. конф. с международным участием (Омск, 20–22 октября 2009 г.) / отв. ред. В. Г. Рыженко. – Омск: ОмГУ, 2009. – С. 328–330.

4. *Блинова, О. В.* К вопросу о положении учителя женской гимназии в Западносибирском учебном округе в начале XX в. (по материалам дневника преподавателя Барнаульской женской гимназии Н. Ф. Шубкина) // Сибирский субэтнос: культура, традиции, ментальность: материалы Пятой Всерос. науч.-практ. Интернет-конференции sib-subethnos. narod.ru. 15 января по 15 мая 2009 г. – Красноярск: РИО ГОУ ВПО КГПУ им. В. П. Астафьева, 2009. – С. 31–42.

5. *Блинова, О. В.* Материально-техническое обеспечение и учительский состав школ грамоты Омской Епархии в начале XX века (по отчетам епархиального наблюдателя за 1902–1912 гг.) // Проблемы экономической и социальной истории Сибири XIX – начала XX века: межвуз. сб. науч. ст. – Омск: ОмГПУ, 2009. – С. 138–146.

6. *Блинова, О. В.* Региональная специфика института учительства в Западной Сибири в последней четверти XIX – начала XX вв. // Вопросы методологии и истории в работах молодых ученых: сб. науч. ст. / под ред. В. Н. Худякова. – Омск: ОмГПУ, 2009. – Вып. 13. – С. 58–64.

7. *Блинова, О. В.* Специфика исследовательского подхода в изучении института учителей в Западной Сибири в последней четверти XIX – начала XX века (на примере применения подходов новой социальной истории) // История идей и история общества: материалы VII Всерос. науч. конф.

(Нижевартовск, 9–10 апреля 2009 г.). – Нижевартовск: Изд-во Нижевартовского гуманит. ун-та, 2009. – С. 224–227.

8. *Блинова, О. В.* Специфика рассмотрения социокультурного облика института учительства в Западной Сибири в последней четверти XIX – начале XX века // Методологические проблемы исторического познания: сб. науч. тр. / отв. ред. И. И. Кротт. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2009. – Вып. 2. – С. 86–91.

9. *Блинова, О. В.* Взаимоотношения власти и общества по вопросу расширения сети образовательных учреждений на территории Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. // Материалы Всерос. науч. конф., посвященной 200-летию со дня рождения генерал-губернатора Восточной Сибири Н. М. Муравьева-Амурского. – Иркутск, 2010. – С. 310–318.

10. *Блинова, О. В.* Особенности методологических подходов при изучении места и роли учителей в Западной Сибири рубежа XIX–XX веков // Методологические проблемы исторического познания: межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. И. И. Кротт. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2010. – Вып. 3. – С. 84–90.

11. *Блинова, О. В.* Роль учителей в общественной деятельности интеллигенции Западной Сибири на рубеже XIX–XX веков // Вопросы методологии и истории в работах молодых ученых: сб. науч. ст. / под ред. В. Н. Худякова. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2010. – Вып. 14. – С. 107–113.

12. *Блинова, О. В.* Социокультурный облик учительства в газетной прессе Западной Сибири конца XIX – начала XX вв. // Образы России и ее регионов в историческом и образовательном пространстве: материалы всерос. науч.-практ. конф. с международным участием, посвященной 75-летию НГПУ. – Новосибирск: НГПУ, 2010. – С. 116–119.

Подписано в печать 13.11.2010. Формат 60×84/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Печ. л. 1,5. Уч.-изд. л. 1,5.

Тираж 100 экз. Заказ П-627.

Издательство ОмГПУ.

Отпечатано в типографии ОмГПУ,

Омск, наб. Тухачевского, 14, тел./факс (3812) 23-57-93